

Слово редактора

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ (статья вторая)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: В статье автор приводит анализ военно-полицейских структур в политике. Здесь центральной становится проблема концентрации государственного насилия. Автор рассматривает историю российского милитаризма и отмечает важность гражданского контроля над институтами насилия.

Ключевые слова: военно-полицейские структуры, государственное насилие, милитаризм, государственная политика, гражданский милитаризм, военное реформирование, армия и политика.

Анализ роли военно-полицейских структур в политике — важное направление разработки теории демократии. Роберт Даль считает, что период с 1980 г. по настоящее время особенно важен для демократической трансформации в мировом масштабе. Одним из главных условий этого процесса является гражданский контроль над институтами насилия [Даль 2003: 371–382]. Государство может использовать все экономические, социальные, психологические и физические средства насилия, но обычно доминируют физические средства насилия — армия и полиция. Вплоть до настоящего времени они используются для подавления демократии. В целях борьбы с этой традицией Даль предлагает: подчинить армию и полицию гражданскому контролю; подчинить гражданских контролеров над аппаратом насилия демократическим процедурам. Однако возможность контроля над армией и полицией зависит от двух факторов: организации аппарата насилия и состояния военной техники; использования средств контроля над ними.

Отсюда вытекает главная проблема: **развитие военной техники и организации увеличило угрозу в XX в. применения государственного насилия.** Профессионализм создает социальную и психологическую пропасть между военными и гражданскими. По мере роста и усложнения военно-полицейских структур затрудняется гражданский контроль над ними. Эти структуры стремятся воздействовать на другие звенья власти — парламент и бюрократию. Поэтому не существует однозначной связи между состоянием военной организации и техники и наличием (отсутствием) демократии.

В любом случае демократические государства заинтересованы в предотвращении военных переворотов. Чтобы лишить военно-полицейские структуры способности к насилию, они используют следующие средства: ликвидируют вооруженные силы или оставляют не-

большую армию с учетом соотношения сухопутных и морских сил; ставят армию и полицию под контроль местной власти; формируют вооруженные силы из людей с демократическими убеждениями; идеологически обрабатывают профессиональных военных.

Согласно статье 1 Конституции Российской Федерации, «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [Конституция РФ... 1997: 2]. Как решается в ней поставленная проблема?

Подходы к проблеме

Герберт Спенсер выделял два основных типа государственного устройства: *воинственный*, при котором все направлено на подготовку войны с другими государствами; *индустриальный*, когда нормы, законы и институты направлены на мирное совершенствование экономики ради блага членов общества. Спенсер считал Россию самым удобным примером обществ первого типа (наряду с Дагомеей, древними Перу, Египтом и Спартой).

Через полвека после Спенсера Гарольд Лассуэлл написал эссе о «государстве-гарнизоне»: в результате развития военной техники и наступления эпохи тотальных войн главную роль в государстве начинают играть специалисты по применению насилия; организация экономики и социальной жизни систематически подчиняются потребностям вооруженных сил; доминирующее влияние находится в руках того, кто применяет насилие. Лассуэлл полагал, что практически все государства будут скатываться к гарнизонному типу. По отношению ко всем государствам мира эта теория не подтвердилась, но в отношении СССР оказалась правильной.

Чарльз Тилли тоже рассматривает формирование современных государств через призму противоборства двух тенденций — концентрации капитала и концентрации насилия. В Российской империи и СССР концентрация насилия шла намного быстрее концентрации капитала.

Итак, мнения классиков социологии и политической науки о преобладании в истории России/СССР военного типа организации общества **совпадают**. Обратимся к суждениям некоторых современных исследователей.

Дуглас Норт показал, что армия, церковь и бюрократия — главные действующие лица латино-американского пути зависимости экономики от траектории предшествующего развития. В результате такой зависимости испаноязычные страны навсегда отстали от других стран Запада [Норт 1997]. Движение России по латиноамериканскому пути подтверждено конкретными исследованиями и ему уже дана оценка [Авторитаризм развития... 2005; Шевцова 2000]. Значит, появились теоретические и практические предпосылки для анализа влияния военно-полицейских структур, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны.

Полицейская культура России базируется на культурах репрессивного закона, военщины, политического сыска. Эти качества государства воспроизводились на протяжении столетий — от Тайной канцелярии до КГБ/ФСБ [Анисимов 2001]. Армия и органы госбезопасности способствовали тому, что госаппарат России/СССР культивировал холопство [Хелли, 1998: 19]. В российском обществе до сих пор господствует репрессивное сознание, отождествляющее экономический и административно-полицейский порядок. Составным элементом такого тождества является «народная любовь к армии и чекистам», недоверие к суду, воздействие на власть через родственно-дружеские и криминальные сети: «В результате молодая Россия (слой современных российских предпринимателей, — В.М.) выступает сегодня ... в роли главной наследницы и продолжательницы советского образа жизни эпохи разложения» [Клямкин, Тимофеев 2000: 129]. Стало быть, описание механизмов воспроизводства советского образа жизни тоже входит в предмет исследования.

Советская власть на всем протяжении своего существования усиливала авторитарно-бюрократические тенденции революций. В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики и политики. Под предлогом модернизации власть транслирует монархически-советскую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Главная драма посткоммунистической трансформации — борьба между сторонниками рынка и рантье. Последние поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты [Макаренко 2001].

Вся история России/СССР — это процесс многократного образования и распада империи [Геллер 2001]. Но в рамках империй невозможно ни разрешить универсальные проблемы империй (появление класса государственных чиновников, торговля государственными должностями, конфликт центра и периферии, использование финансов и кредита для колонизации новых и удержания за собой прежде завоеванных пространств), ни устранить особенности распада империй: возникающие на развалинах империй государства обладают большой силой самосохранения даже при неблагоприятных обстоятельствах; на протяжении периода распада империй эти государства превращаются в «змеиный клубок интересов», зависимостей и карьер; государство становится самодовлеющей ценностью и теряет способность решения социальных проблем; зато оно удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей; по мере распада империй новые правящие клики преобразуют государство в сословный институт [Макаренко 2001]. Под углом зрения «змеиного клубка интересов» можно рассматривать деятельность всех государственных ведомств и институтов, включая армию и полицию.

В эпоху разложения СССР вне критики полностью оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасность, армия и внешняя политика. После 1991 г. шлюзы открылись. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, военные и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих папаш¹. Накапливается громадный эмпирический и антропологический материал для анализа «змеиного клубка интересов» главных государственных институтов и применения к российским процессам теории политической критики [Уолцер 1999].

Перед перестройкой значительная часть комсомольских лидеров низшего и среднего звена перебежала в органы безопасности и более других воспользовалась (в личных целях) начавшимися в стране преобразованиями [Грушин 2006: 863, 878]. Вера в принцип военной организации как идеал для всего общества привела к тому, что в нулевые годы на всех уровнях управления оказалось непропорционально большое число отставных офицеров. О. Крыштановская ввела для этого термин «милитократия». Высокопоставленные военные и работники спецслужб стали главным кадровым резервом в системе «управляемой демократии».

Стало быть, поставленный вопрос можно конкретизировать: способствуют ли все перечисленные тенденции соблюдению Конституции РФ?

Суждение военного аналитика

Под таким углом зрения можно собрать целую библиотеку. Из нее я возьму лишь пару книг Александра Гольца. Они опираются на исследования Левада-Центра и потому могут считаться социологически репрезентативными [Гудков 2004; Гудков 2011]. В первой книге

¹Приведу навскидку несколько симптоматичных публикаций: Гриневский 2000; Шебаршин 2000; Филби 2005; Сухомлинов 2004; Бовин 2003; Шлыков 2002; Коржавин 2006; Эдельштейн 2005; Черняев 1997; Микоян 2006.

описаны перипетии военной реформы в России и история российского милитаризма. Во второй книге содержится анализ конкретных аспектов российского милитаризма (гражданский милитаризм, милитаризм российской власти, милитаризм и общественное сознание; милитаризм и армия; милитаризм и конкурентоспособность России). Рассмотрю лишь некоторые аргументы и выводы А. Гольца в соответствии с целью статьи.

Военная реформа и генералитет. Первый министр обороны России П. Грачев отличался глубоким недоверием к начальству. «К руководству российскими Вооруженными силами, — пишет Гольц, — в наиболее критический период пришел смелый, но ограниченный человек без каких-либо убеждений и глубоких знаний. Он твердо знал, что начальство всегда требует или невыполнимого, или преступного. И доблесть видел в том, чтобы уклониться от выполнения подобных приказов» [Гольц 2004: 23]. В том числе от военной реформы.

Министерство обороны стало владельцем гигантских стратегических запасов оружия, военной техники, продовольствия, топлива и промышленного сырья. Грачеву удалось провести через правительство документы, позволяющие Вооруженным Силам избавляться от «излишков» имущества. Начался грабеж, а затем массовое оформление контрактниками жен офицеров и прапорщиков.

В основе всего учебного процесса Вооруженных Сил СССР лежал мифологизированный опыт Великой Отечественной войны. Из него был сделан вывод: Советская армия — идеал и реформировать в ней нечего. Правда, под влиянием политических изменений Россия отказалась от главной задачи Вооруженных Сил СССР — подготовки к ведению глобальной войны на всех направлениях одновременно. Но Россия унаследовала от СССР 85% вооруженных сил и только 60% экономического потенциала. Отсюда был сделан вывод: если грядущая война выйдет за рамки регионального конфликта, Россия должна использовать ядерное оружие первой для нанесения обезоруживающего удара.

В США над стратегическими концепциями трудились не генералы, а ученые-политологи. Они разработали теорию сдерживания, которая легла в основу американской ядерной стратегии. Кремлю потребовались люди, способные оценить эти теории и понять, как они реализуются на практике при создании систем ядерного оружия. Задача была возложена на Институт США и Канады РАН. После изучения вопроса российские ученые-политологи института вступили в конфликт с капитанами военно-промышленного комплекса. Последние грудью стояли за сохранение советской практики, когда разные конструкторские бюро разрабатывали один и тот же вид оружия. В результате в войска поступали однотипные, но разные по конструкции системы.

В «Основах (концепции) государственной политики РФ по военному строительству на период до 2005 года» нет постановки вопроса о демилитаризации силовых структур России. В российской армии идет схватка между кланами сухопутчиков, ракетчиков и спецслужбистов. Эта схватка накладывается на два общих синдрома военно-полицейского сословия: сознание осажденной крепости и поиск врагов (это особенно характерно для деятелей спецслужб); призывной синдром выражается в том, что уже давно в армию призывают не для защиты Родины, а для выполнения подсобных работ. В целом стараниями российского генералитета военная реформа всякий раз заходила в тупик. «В оправдание выдвигалось несколько групп аргументов — отсутствие общей концепции военной реформы, отсутствие необходимого финансирования, вовлеченность армии в политическое противоборство, участие в войне в Чечне» [там же: 103]. Генералы сопротивлялись любым предложениям гражданских реформаторов, обвиняя их в безответственности, стремлении разрушить Вооруженные силы великой державы.

А. Гольц формулирует принципиальное положение: **армия и в условиях демократии в силу своей специфики живет по совершенно недемократическим правилам (единонача-**

лие, безусловное выполнение любого приказа, строгая иерархия званий). Система гражданского контроля над армией призвана разрешить противоречие — существование внутри демократического общества принципиально недемократического инструмента защиты этого общества.

Первый шаг в установлении такого контроля — это жесткое разделение функций и ответственности военных и политических руководителей. Должна быть в принципе исключена ситуация, когда генералитет принимает решение о том, что угрожает в данный момент государству. Военные должны только консультировать высшее политическое руководство, а после принятия решения неукоснительно его выполнять. Но политические руководители не желают нести свою долю ответственности за принятие решений в военной сфере. Если у военных нет права не выполнять приказ политического руководства, то они должны быть уверены, что этот приказ не будет невыполним или преступен. Однако от Карабаха до Чечни Кремль демонстрирует обратное [Жирохов 2012].

Гольц считает армию инструментом для решения политических задач. Однако после очередной неудачи политики не спешат принимать на себя ответственность за провал. Единственная гарантия против ошибок политиков в отношении армии — публичное обсуждение всех случаев использования военной силы. Такая система требует от президента ответственности, а от парламента — вменяемости. Однако военно-политическое руководство России не считает нужным информировать общественность о том, что происходит в военной сфере. «В результате советская военная элита по-прежнему определяет российскую оборонную политику» [Гольц 2004: 115]. Без общественного контроля коррупция еще больше, чем теперь будет разъедать военные круги. Это приведет к тому, что средства, направляемые на Вооруженные силы, и в будущем будут исчезать неизвестно куда. А генералы, как и прежде, будут саботировать военную реформу.

Чтобы приступить к военной реформе, генералы требовали создания всеобъемлющей концепции национальной безопасности, внешней политики и военной доктрины. Но им нужна не доктрина, а несколько строк с перечислением вероятных противников. Тезис о том, что у России нет военных противников, вызвал полное неприятие генералитета. Он занимался поиском глобального противника.

Доктрину ядерного сдерживания Россия списала в США. Эта концепция сформулирована в 4-м НИИ Минобороны, который в течение десятилетий разрабатывал ядерную политику СССР. Осенью 1998 г. этот институт представил в Совет по внешней и оборонной политике документ, в котором констатировалось: в настоящее время наши вооруженные силы утратили военно-технический паритет с традиционным противником (США) и постепенно утрачивают военно-техническое превосходство по отношению к вооруженным силам «третьих» стран. Поэтому надо понизить порог применения ядерного оружия. Это значит, что российские военные стратеги приняли на вооружение американскую и натовскую концепцию гибкого реагирования. Ее основа — избирательное, адекватное угрозе использование ядерных средств. Наличие ядерного оружия — единственное на сегодня материальное свидетельство того, что Россия является великой державой.

Россия поставила рекорд: около дюжины министерств и ведомств обладают военными формированиями (внутренние войска Министерства внутренних дел, железнодорожные войска, войска гражданской обороны, инженерно-технические и дорожно-строительные воинские формирования, войска службы внешней разведки, войска органов ФСБ, федеральных органов государственной охраны, федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ).

Все эти ведомства Гольц предлагает разделить на две группы:

1. Так называемые «правоохранительные органы». В советское время КГБ и МВД представляли карательные органы. Теперь КГБ разделено на ФСБ, СВР и Федеральную службу охраны. Здесь приказы не обсуждаются, и они строились по принципу военных организаций. Большинство членов данных структур не хотят демилитаризации. Служба для них связана не только с тяготами военной службы, но и привилегиями: ранняя пенсия, квартира при увольнении и пр.

2. Все остальные ведомства, деятельность которых фактически основана на рабском труде солдат срочной службы. Без демилитаризации этих структур о военной реформе говорить нет смысла. Генералитет изначально не хотел никаких реформ и стремился просто протянуть время.

Армия и политика. С первых дней существования Российской армии ее руководители жаловались на то, что разные политические силы пытаются заигрывать с военными, чтобы сделать их своими союзниками в борьбе за власть. Поэтому Кремль не проявил желания реформировать армию. Она осталась нетронутой гайдаровскими реформами. На деле Советская армия была одним из главных действующих лиц в политике: попытка путча в августе 1991 г.; Всеармейское офицерское собрание (январь 1992 г.) прямо обвинило Б. Ельцина в развале СССР и потребовало восстановить Советский Союз; но в конечном счете армия выступила на стороне Ельцина (октябрь 1993 г.).

Военное руководство намеренно преувеличивало степень вовлеченности армии в политическую борьбу и связанные с этим потенциальные опасности. Нежелание «реформаторов» трогать армию объясняется тремя факторами: Кремль сам намеревался использовать армию; опасениями, что армия выступит на стороне коммунистической и националистической оппозиции; опасениями, что армия может выдвинуть своего лидера и установить военную диктатуру.

В СССР влияние военных на политику было скромное. Но в исключительных случаях военные участвовали во внутривластной борьбе: летом 1953 г. преданные Г.К. Жукову офицеры из штаба Московского округа ПВО арестовали Л. Берия — руководителя спецслужб; в 1957 г. Жуков представил Хрущеву самолеты военно-транспортной авиации, чтобы экстренно доставить в Москву всех членов ЦК КПСС и помешать сподвижникам Сталина вернуть власть. Но это испугало Хрущева и он отправил Жукова в отставку.

При Брежневе генералитет имел решающий голос в вопросах внешней политики и безопасности, но не оказывал почти никакого влияния на внутреннюю политику. В СССР существовал контроль над армией — через политические органы до Главпура. Противоречий во взаимоотношениях высшей власти и военных не наблюдалось. Власть брала на себя ответственность за применение силы. Поэтому военные участвовали в грязных делах (расстрел мирной демонстрации в Новочеркасске в 1962 г., подавление революций в Венгрии и Чехословакии, давление на Польшу в 1980–81 гг.).

Кризис наступил, когда Кремль попытался использовать армию в подавлении национальных движений в Армении, Азербайджане, Грузии и Прибалтике. Впервые генсек КПСС и министр обороны побоялись признать, что армия действовала по их приказам. Высшее руководство предало армию. А. Лебедь рассказал, что с 1988 г. он не получал никаких письменных приказов, они отдавались по телефону.

Одновременно власть демонстрировала полную некомпетентность в использовании армии. «Секретные приказы, которые отдавали военным, были заведомо невыполнимы. Вводя войска в Баку и Карабах, советское руководство далеко не всегда стремилось урегулировать межнациональные конфликты. Оно, скорее, вело политические игры вокруг них, пытаясь через миротворчество укрепить роль Москвы в торге с республиками относительно степени их независимости» [там же: 151]. Пик кризиса советской системы отношений между политика-

ми и военными — участие армии в попытке устранения Горбачева. В целом военные с одобрением приняли переворот, но когда дело дошло до необходимости использовать силу, они остановились потому, что не верили руководителям ГКЧП и опасались, что на армию в очередной раз возложат ответственность за кровопролитие.

После провала путча армия испытывала глубокое подозрение не к отдельным политикам, а к высшей государственной власти в целом. В свою очередь Ельцин, как и его предшественники, не отдал письменного приказа применить силу против Верховного Совета. Разгром базировался только на личной преданности Грачева. Кремль, коммунисты и националисты пытались использовать офицерство в своих целях. В 1997–98 гг. стало набирать силу «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». Это движение базировалось на принципах: армия — мистический «якорь спасения» и «залог процветания» Великой России; союз коммунистов всех оттенков с националистами, монархистами и прочими сторонниками сохранения советской системы. Это движение было создано Л. Рохлиным. Осенью 1997 г. он направил открытое письмо Б. Ельцину и разослал его во все части. Он прямо обвинил президента в развале армии и в действиях под диктовку ЦРУ, рекомендовал провести офицерские собрания, которые должны были направить коллективные требования в адрес президента, парламента, Верховного и Конституционного Судов. Но голодная и злая на власть армия проигнорировала рохлинские призывы. В июле 1998 г. Рохлин был убит. Его заменил В. Илюхин (коммунист, председатель комитета Думы по безопасности). Но армия продолжала безмолвствовать. В рядах движения не было офицеров, проходящих действительную службу.

Невмешательство вооруженных сил в политику во второй половине 1990-х гг. определялось тем, что офицерский корпус испытывал глубокое недоверие к оппозиции и исполнительной власти. Главные оппозиционеры вполне интегрировались в проклинаемый ими «ельцинский режим». Почему же армия сама не выдвинула харизматического лидера? — ставит вопрос Гольц. Потому что Р. Аушев, А. Руцкой, А. Лебедь полагали: высшая государственная власть ведет себя подло, делает из людей в погонах палачей и козлов отпущения одновременно. Почти все они пытались создать собственные политические организации, подвизались на политическом поприще. Но ни один из них не стал российским Пиночетом, поскольку они так и не поняли разницы между профессиями политика и полководца. Победа на поле боя — завершающий этап работы военного, а победа в губернаторской гонке — только начало другой, еще более ответственной работы. Однако «...многие обладатели лампасов не имели вообще никаких сколько-нибудь устойчивых политических взглядов» [там же: 159]. Пример тому — А. Лебедь, который после занятия поста в 1996 г. спокойно распрощался со всеми, кто писал ему программу, и бросился в объятия людей с прямо противоположными воззрениями. Отсюда дистанция: прочтя программу, невозможно представить, что в действительности будет делать военный. Туманность политических деклараций вызывала подозрения: за ними скрываются истинные диктаторские замыслы.

«Один из главных факторов социальной напряженности в России — это результат непоследовательных попыток реформировать армию, а также провести конверсию ВПК, чему яростно сопротивлялся генералитет и директорский корпус. Но невозможно всерьез рассчитывать, что генерал, получивший неограниченную власть в стране, будет своими руками сокращать армию и военное производство» [там же: 161]. Одновременно ушедшие в политику военные не желали ответственности. Они не хотели уничтожить не только демократию, но и рынок, поскольку это ввергло бы Россию в хаос.

Офицерский корпус не является монолитной массой. У генералов и лейтенантов интересы разные. В армии представлены в тех же пропорциях все политические направления и позиции, существующие в стране в целом. Поэтому власть не опасается генеральской фрон-

ды. Военные и работники спецслужб стали главным кадровым резервом в системе «управляемой демократии». Власть их назначила в политики. Среди семи полпредов в федеральных округах — пять генералов.

Войны в Чечне оправдали отказ от военной реформы. Ельцин повторил ошибку Брежнев и Горбачева, которые видели в самом факте посылки войск в Афганистан и Нагорный Карабах окончательное решение политической проблемы. Первая война в Чечне велась во имя «восстановления Конституции», вторая — ради «борьбы с терроризмом». В обоих случаях военное командование само трактовало, что означает тот и другой термин. Разница между двумя войнами состоит только в том, что в 1999 г. военное командование получило карт-бланш на использование всех средств, какие оно посчитает необходимым. «Боевые действия в Чечне в том виде, как они велись, стали следствием того, что Российская армия не была реформирована. Отказ от реформы делает эту войну практически бесконечной» [там же: 167].

Аргумент о недостаточном финансировании армии выглядит наиболее доказательным. В 1992–1999 гг. государство ни разу не смогло выполнить военный бюджет. До 2003 г. военные финансисты доказывали: денег не хватает даже на обеспечение необходимым существующих Вооруженных сил и потому военная реформа невозможна. «Но уловка заключается в том, что именно существующие Вооруженные силы и система их финансирования построены таким образом, что они могут поглотить без всякого положительного результата любую сумму» [там же: 169].

После прихода В. Путина военный бюджет за пять лет возрос более чем в пять раз — 109 млрд в 1999 г. до 565 млрд в 2005 г. (с учетом того, что инфляция составляла около 20% в год). Но дела в армии не пошли на лад. Военные избегают абсолютных цифр, а предпочитают вести речь о процентах ВВП. Теперь военные говорят, что военные расходы Ирана и Израиля превышают 5%, тогда как Ельцин в 1997 г. обещал не менее 3,5% ВВП. Существуют несколько «черных дыр», которые позволяют Министерству обороны требовать практически любые суммы:

1. Манипуляция с численностью Вооруженных сил (Гольц приводит цифры, фиксирующие прямую ложь военных). В одних случаях они называют реальную численность, в других — штатную. Точное количество живых людей, а не «мертвых душ», — один из самых больших секретов военного ведомства.

2. Призывная система. До сих пор неизвестно, во что обходится стоимость перевозки новобранцев и отслуживших солдат из одного конца страны в другой, а также содержание сети военкоматов, осуществляющих призыв. Таковы прямые расходы, связанные с сохранением неререформированных вооруженных сил. Есть и косвенные. Государство финансирует небольшое число учебных заведений, которые из-за низкого качества образования никогда бы не собрали необходимого количества студентов. Они существуют лишь потому, что дают отсрочку от службы в армии. Есть целая криминальная индустрия из работников военкоматов и врачей, которые предоставляют отсрочку за взятки. Ее размеры в крупных городах составляют 2–5 тыс. долл. По данным Министерства Обороны призыва избегают 87% юношей. Стало быть, речь идет об индустрии, с оборотом в десятки миллионов долларов.

3. Государственный оборонный заказ. Бюджет 2003 г. предполагал израсходовать 45,5 млрд. руб на НИОКР и 55 млрд. на закупку военной техники. Это составляет треть военного бюджета (110 млрд.). Они расходуются без всякого контроля со стороны общественности и даже парламента. В итоге Министерство Обороны само и неэффективно решает, как израсходовать деньги. При этом военное производство есть откровенное надувательство. ВПК периодически обманывает военное ведомство, предлагая ему вместо новой техники модифицированные серийные экземпляры.

4. Не предусмотренный бюджетом рост тарифов естественных монополий (платы за железнодорожные перевозки, газ и электроэнергию). В условиях экономического роста тарифы будут расти и тем самым вытягивать все больше средств из военного бюджета. Военные экономисты не хотят понять это естественное противоречие.

В целом, неререформированное Министерство обороны есть структура, которая способна поглотить любую сумму. При этом денег на военную реформу не будет хватать никогда. Поэтому ни вовлеченность армии в политику, ни война в Чечне, ни финансовые трудности не представляли фатального препятствия для проведения военной реформы. Ни одно из объяснений провала военной реформы не выдерживает критики.

Традиция «всеобщего тягла». Реформа проваливалась из-за противодействия генералитета. В этом смысле российские генералы ничем не отличаются от своих американских коллег, которые тоже вставляют палки в колеса любым попыткам реформы военного ведомства. Существует и ряд других причин.

Руководители и властно-управленческий аппарат России проявляют доверие к генералитету, неоднократно уличенному в корыстном вранье. «Оборона и безопасность» выглядят священной коровой. За термином «оборонное сознание» прячется идеология российского милитаризма, которая более живуча, чем коммунистическая и до сих пор пропитывает все поры российского общества. Даже интеллектуальная элита готова прослезиться при виде парадных «коробок», вышагивающих прусским «гусиным шагом». Большинство граждан уверены, что государство вправе требовать от них огромных жертв для укрепления пресловутой обороноспособности.

Большинство жителей России вдохновляется мифом: армия есть основа государства. Но сомнения в этом высказывались еще в середине XIX в.² Армия не является опорной точкой самобытности России. Но военная составляющая государства оказала ключевое влияние на российское национальное самосознание. Официальная пропаганда до сих пор распространяет миф: на протяжении истории Россия была вынуждена обороняться от бесчисленного множества внешних врагов и потому стремление ее защищать — врожденное качество любого достойного россиянина. На деле в 1700–1870-е гг. Россия воевала в 38 войнах и только две были оборонительными. Представление об армии как главном государственном институте — следствие связи между развитием Российского государства и реализацией интересов его служилого сословия. На этой основе сложилась своеобразная финансовая система, в основе которой лежит идея всеобщего тягла.

Петр I многократно усилил традицию тягла. Военная служба — главное тягло и самая тяжелая повинность для всех сословий. Европейские государи содержали наемные армии. Россия заимствовала у Швеции рекрутскую систему и могла содержать огромную армию. Успешные военные реформы шла параллельно с процессом полного и окончательного закабаления крестьян. В итоге созданная Петром I армия практически перемалывала мужское население империи. Почти все налоги использовались для обеспечения вооруженных сил. «Способность «расходовать» любое количество живой силы, чтобы одержать верх в битве, и стала основой русского военного искусства» [там же: 186]. Сбор налогов обернулся тем, что как раз армия отправляла на территории Российской империи основные функции государства. Полковникам предписывалось выполнять полицейские функции. Армия использовалась для строительства крепостей, прокладки каналов, расширения гаваней. От Петра I идет традиция стройбата. Отсюда же идет традиция назначать военных представителями высшей власти на местах.

²Например, начальник императорского Главного штаба Н. Обручев считал, что самобытность государства укореняется и развивается гражданской его жизнью, а не военной, иначе царства Чингисханов, Тамерланов и других были бы прочны и монголы до сих пор бы владели Россией.

Эта традиция сохранилась и при советской власти. Вначале большевики в соответствии с социалистическими взглядами пытались формировать добровольческую армию милиционного типа. Но едва встал вопрос о выживании Советской власти, они прибегли к массовой мобилизации. Уже 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную армию». Со второй половины 1930-х гг. происходит переход к массовым вооруженным силам. С ростом армии одновременно шел возврат феодальных отношений в общество: крестьяне не имели права покинуть село и не могли распоряжаться результатами своего труда. «Безропотный крестьянин — идеальный солдат для армии такого типа. А победа над гитлеровской Германией ... на десятилетия ослепила советское военное руководство. В результате более чем на полвека была сохранена в неприкосновенности организационная структура Советской армии времен Великой Отечественной» [там же: 191].

СССР представлял собой огромный военный лагерь, который жил по законам войны. Целью образования и воспитания было растить не свободных людей, а солдат. Однако установка на всеобщую мобилизационную готовность предопределила банкротство советской промышленности.

На протяжении почти 300 лет главной задачей Российского государства было содержание огромной военной машины. Гольц отмечает общие черты германского и российского милитаризма: в основе важнейших политических решений лежат военно-технические расчеты, а не всесторонний анализ с точки зрения государственных интересов, безусловное доминирование военных подходов в отношении народа к любым проблемам; глубокое проникновение военных отношений и ценностей в гражданское общество.

Об этом свидетельствуют следующие явления: генетическая связь петровских указов, николаевских военных поселений, трудармий Троцкого и советских стройбатов; человек интересовал российских руководителей в первую очередь как будущий солдат, а во вторую — как источник финансовых и материальных средств, необходимых для содержания огромных Вооруженных сил. В России высший администратор практически всегда был генералом. На этой основе возникал гражданский милитаризм.

Артур Вагтс, автор классического труда «История милитаризма», разграничивает стремление укрепить обороноспособность и подготовить армию к возможной войне (естественное для любого государства) и милитаризм: «Это различие фундаментально, и оно имеет определяющий характер. Для военного подхода прежде всего характерно стремление сконцентрировать людские и материальные ресурсы для того, чтобы с максимальной эффективностью решать конкретные задачи. Милитаризм же представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру. Армия, построенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а интересам военных, является по своей сути милитаристской». Вагтс указал наиболее опасный источник милитаризма: «Гражданский милитаризм следует определить как безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдается военным соображениям. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях, в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и на которые должны расходоваться главные ресурсы... Как и милитаристы в военной форме, милитаристы гражданские презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т. д.» [Гольц 2005: 10]. Таков портрет советских руководителей от Сталина до Андропова.

Второй президент России В. Путин в полной мере проявляет свойства «гражданского милитариста»: безоговорочное предпочтение военных ценностей, манер, принципов и отношений и глубокое презрение к гражданской политике, институту выборов, парламентаризму

и партиям. Он считает иерархическую вертикаль власти, построенную по армейскому принципу, лучшей моделью управления страной. В России до сих пор господствует военно-феодальный принцип: власть в представлении властителя безраздельна, парламент и судебная система низведены до роли марионеток, принцип разделения властей рассматривается как ересь, а принцип единоначалия распространяется и на политическую систему государства.

О милитаризации власти свидетельствуют: отмена выборности губернаторов ради укрепления системы прямого подчинения президенту всего и вся; представление о военной силе как панацее; предпочтение милитаристских стереотипов рационализму; «секьюритизация» (термин введен Д. Трениным) — профессия президента и его окружения определяет отношение к информации. Речь идет о профессиональной привычке к секретности, восприятие тайной стороны любой деятельности как наиболее важной. Вся остальная информация при этом рассматривается как обман и дезинформация. В результате происходит сужение каналов поступления информации, а в худшем — неадекватное ее восприятие. Пренебрегается гласность. Прямое и откровенное заявление о целях и задачах власти противоречит путинскому методу правления страной. При таком подходе Послание Федеральному Собранию есть не что иное, как ловко составленная дезинформация, цель которой — дезорганизовать противника: «По сути дела, российская власть превратилась в подобие человека, который не снимает прибор ночного видения даже днем, а потому и в яркий солнечный день видит мир серозеленым» [там же: 20].

На деле носители генеральских звезд не являют собой образец исполнительности и аккуратности. Высокие должности они рассматривают как место «кормления». Коррупция при В. Казанцеве (бывшем командующем СКВО) и В. Шаманове превысила даже российские стандарты. Военные не принесли ничего нового в традиции российской бюрократии.

В 1990-е гг. государственное устройство (т.е. кабинет министров) было разделено на две неравноправные части: 1. Руководители десятка военных и военизированных ведомств входят в Совет безопасности и подчиняются непосредственно президенту. 2. Остальные министерства отвечают за социальную сферу и подчиняются премьеру. Такой «двухъярусный» кабинет существовал в Пруссии и в Германском рейхе. Армия в глаза российских правителей — это символ высшей государственной власти. Такое преувеличение роли Вооруженных сил максимально облегчает генералитету защиту своих интересов.

В основе российской военной культуры лежит представление о том, что достижение победы в войне определяется: 1. Наличием многомиллионной армии в мирное время. 2. Наличием неисчерпаемых человеческих резервов и возможностью постоянно замещать выбывших солдат новым пополнением. 3. Способностью государства с помощью административных средств концентрировать все имеющиеся в стране ресурсы для обороны. При этом руководители военного ведомства не видят никакой необходимости в широком гуманитарном образовании офицерского корпуса.

Народ относится к армии двойственно: никто не оспаривает право государства призывать людей в армию и распоряжаться их жизнью, не неся при этом серьезной ответственности за их гибель; общество не осуждает тех, кто использует любые средства для избегания воинской службы. Этим объясняется то, что по данным ВЦИОМ есть следующие пять институтов, которым россияне в наибольшей степени выражают доверие: президент, церковь, армия, пресса, госбезопасность (на середину 2002 г.). Для большинства россиян армия — это некий символ государства.

Милитаризм представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Милитаризм отказывается от научного подхода, а опирается на кастовый и культовый подход, на власть и веру. Большинство милитаристов в

политике консерваторы, но в философии антиматериалисты. Они всегда предпочитают расходовать людей, экономя на материалах.

Это противопоставление А. Гольц иллюстрирует борьбой между двумя школами российского стратегического мышления, которая тянется полтора века: 1. Технологи — это военные интеллектуалы, которые полагают, что традиционный российский способ ведения боевых действий (он базируется на расходовании живой силы, выносливости и отваге рекрутов-крестьян) не соответствует более требованиям современной войны. 2. Волшебники полагают, что особые качества российского солдата позволяют компенсировать техническое превосходство любого противника и победить, несмотря ни на что.

В России в 1870 г. технократ Милютин противостоял Драгомирову, Тухачевский — Буденному, Сергеев — Квашнину. «В России «технократы» всегда оказывались в проигрыше, а «волшебники» безнаказанно расплачивались чужими жизнями за собственные иллюзии» [Гольц 2004: 201]. Большинство нынешних российских генералов защищают последний элемент советской тоталитарной системы, унаследованный ею от самодержавия. Военная каста способна на авантюру, которая свергнет Россию в хаос.

Российская отсталость была источником огромной военной мощи. Считается, что общественное сознание России милитаризовано. Однако социологические исследования показали: с одной стороны, россияне всерьез верят в то, что более сильные государства всячески ущемляют «слабую» в военном отношении Россию, а с другой — не испытывают никакого желания сопротивляться «врагам», более того, заранее готовы сдать в придуманной войне на милость победителя.

В этой ситуации все большее значение приобретает мифологизированная история «великой державы», у которой «было героическое прошлое». Но этот героизм обнаруживается только в «победах русского оружия». Ни в чем остальном России похвастать нечем.

«Используя такую путаницу в умах, — пишет Гольц, — Кремль навязывает населению России собственную картину сегодняшней действительности: он стремится к тому, чтобы массовое переживание исторического поражения СССР, ощущение ущербности России в качестве его наследницы, своего рода комплекс милитаристской неполноценности обернулись верой в то, что национальные интересы могут заключаться только в усилении государства (его военной мощи)» [Гольц 2005: 26].

Режим В. Путина пытается использовать остатки милитаристского сознания россиян для решения нескольких задач: 1. Навязать эрзац национальной идеи, сформулировать которую Кремль неспособен. Вся идея сводится к тому, что Россия обречена в одиночестве противостоять сонму врагов, а в противостоянии все средства хороши. Ностальгия по советским временам держится именно на культе великой войны. 2. Легитимизация самого режима. Граждан убеждают в том, что главным в оценке влияния государства является его военная мощь. 3. Армия до сих пор воспринимается как модельный государственный институт.

Процесс разложения армии продолжается все годы правления Путина. Никто из российских генералов всерьез не собирается воевать с американцами, но под прикрытием милитаристской риторики легче всего сохранять существующую структуру армии, а также не имеющую аналогов в мире военную организацию государства, когда помимо Вооруженных сил военная служба предусмотрена еще в добром десятке министерств и ведомств.

По армейской модели проводится внутренняя и внешняя политика. Путин и его окружение намерены модернизировать Россию «сверху», опираясь исключительно на административный ресурс. При таком подходе население страны уподобляется солдатам, обязанным слепо выполнять приказ. А те, кто сомневается в правильности и обоснованности приказа, объявляется трусом, паникером или вражеским агентом. Милитаризм превратился в важнейший элемент российской самоидентификации. Российский милитаризм выражается уже не столь

ко в избыточных военных приготовлениях и особом влиянии военных на власть, сколько в стереотипах мышления элиты и отчасти народа. Страна в течение трех веков не знала иной организации, кроме военной. Теперь она считается правильной и единственно возможной. Такой «гражданский милитаризм» является одним из главных препятствий на пути модернизации.

Анализ показывает, что принадлежность предприятия к военно-промышленному комплексу лишает его возможности создавать и выпускать конкурентоспособную гражданскую продукцию. «Создается впечатление, что, не переставая говорить о возрождении отечественного ОПК за счет новых технологий и инвестиций, нынешнее российское руководство ведет его к гибели» [там же: 48].

Милитаристская риторика служит ширмой, прикрывающей успешное расхищение военного бюджета. Модернизация России за счет милитаризации является совершенно невозможной. «Сегодняшняя идея превращения страны в супердержаву неизбежно обернется переходом к милитаризму нового типа — сырьевого. Для этого власть намерена использовать сырьевой мобилизационный ресурс, который достался ей в наследство от СССР, в качестве источника обогащения «новой» постъельцинской элиты, сформированной по большей части из представителей силовых структур. Роль армии, правоохранительных органов и спецслужб будет главным образом сконцентрирована на том, чтобы обеспечить этой элите постоянный доступ к источникам сырьевых богатств. В результате Россия может превратиться в дикое полицейское государство, подобное южноамериканским банановым республикам. Впрочем, просуществует оно не дольше чем до очередного кризиса перепроизводства» [там же: 48].

Гольц делает вывод: «Сегодняшней власти армия нужна вовсе не для обороны страны, а для решения совершенно других задач. И для их решения идеальна именно архаичная нереформированная армия» [там же: 50].

В настоящее время Вооруженные силы России являются «черной дырой», поглощающей без положительных результатов более пятой части бюджета. Настоящая военная реформа неизбежно подрывает милитаристскую идеологию, которая питает «силовиков» — выходцев из КГБ, которые все более влияют на путинскую политику. В ближайшие 10–15 лет будет продолжаться медленное разложение советской модели. Дореволюционная и советская военная историческая наука находились под жестким государственным контролем, не допускавшим критического анализа. Но надо разрабатывать альтернативную казенной историю и социологию, которой пичкают в военных вузах. Нереформированная армия — один из источников консервативной и националистической идеологии, которая и питает силовиков. Кардинальное изменение военной организации России означало бы полный и окончательный отказ от имперского наследия.

В заключение Гольц предлагает решать несколько задач: разъяснение того, что существующая система военного устройства не может быть реформирована в принципе; просвещение элит — создание с нуля основанной на реальных фактах, а не мифах, военной истории России, включая историю Великой отечественной войны; создание альтернативной системы военного образования при гражданских вузах. По его мнению, средства на это могут дать дальновидные представители финансово-промышленной элиты страны.

Вывод

Вернусь к поставленному в начале статьи вопросу: как решаются в России проблема, поставленная Робертом Далем? Можно сказать совершенно определенно, что государство расходует огромные средства на институты, неспособные выполнять функции, для которых они предназначены. Эти институты превратились в острую социальную проблему, о которой

я писал давно, едва на политическом горизонте появились фигуры типа полковника Алксниса³. Анализ ситуации в России позволяет заключить, что речь может идти пока только об осознании, а не решении проблемы. Ликвидации вооруженных сил еще не произошло. Соотношение сухопутных и морских сил еще не стало предметом публичного обсуждения. Армия и полиция подчиняются центру, а не находятся под контролем местной власти. Вооруженные силы не формируются из людей с демократическими убеждениями, поскольку таких людей в российском обществе пока меньшинство. Выработка демократических убеждений среди профессиональных военных пока еще есть дело будущего. Книги Александра Гольца могут служить хорошим введением во множество конкретных аспектов проблемы, характерных для современной России.

Авторитаризм развития... 2005. Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы». — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 5–7.

Анисимов Е.В. 2001. *Дыба и кнут: политический сыск в России*. — М.: Новое литературное обозрение.

Бовин А. 2003. *5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника)*. — М.: Захаров.

Геллер М.Я. 2001. *История Российской империи. Т.1–2*. — М.: МИК.

Гольц А. 2004. *Армия России: 11 потерянных лет*. — М.: Захаров.

Гольц А.М. 2005. *Российский милитаризм — препятствие модернизации страны*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».

Гриневский О. 2000. *Тайны советской дипломатии*. — М.: Вагриус.

Грушин Б.А. 2006. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 2*. — М.: Прогресс-Традиция.

Гудков Л.Д. 2011. *Абортивная модернизация*. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Гудков Л. 2004. *Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов*. — М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А».

Даль Р. 2003. *Демократия и ее критики*. — М.: РОССПЭН.

Жирохов М.А. 2012. *Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР*. — СПб.: БХВ-Петербург.

Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. 2000. Смягчать или ужесточать законы? — *Полис*. — № 5.

Конституция РФ... 1997. *Конституция Российской Федерации*. — М.

Коржавин Н. 2006. *В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн. 1*. — М.: Захаров.

Макаренко В.П. 1989. *Бюрократия и сталинизм*. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета.

Макаренко В.П. 1990. *Революция и власть*. — Ростов-на-Дону: Ростиздат.

Макаренко В.П. 2001. Кавказ: концептологический анализ. — *Социс*. — № 12.

³В книге двадцатилетней давности я обращал внимание, что перестроечная критика аппарата КПСС не учитывает консервативную и реакционную часть политического режима, вступившего в фазу демократических преобразований. К этой части относятся кадры профессиональных военных, полиции и госбезопасности, а также пенсионеры указанных структур. Прошедшие двадцать лет это полностью подтвердили [Макаренко 1990: 188–206].

- Макаренко В.П. 2002. *Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии*. — М.: Праксис.
- Микоян С.А. 2006. *Анатомия Карибского кризиса*. — М.: Academia.
- Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. — М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Сухомлинов А. 2004. *Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела*. — М.: Детектив-Пресс.
- Уолцер М. 1999. *Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века*. — М.: Идея-пресс.
- Филби К. 2005. *В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров*. — М.: Эксмо, Яуза.
- Хелли Р. 1998. *Холопство в России: 1450–1725*. — М.: Академия.
- Черняев А.С. 1997. *1991 год. Дневник помощника Президента СССР*. — М.: Республика.
- Шебаршин Л. 2000. *Рука Москвы*. — М.: ЭКСМО.
- Шлыков В. 2002. *Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика*. — М.
- Шевцова Л. 2000. *От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии)*. — Доступно: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm>. — Проверено: 05.12.2013 г.
- Эдельштейн Г. прот. 2005. *Записки сельского священника*. — М.: РГГУ.